

СОФИЯ КАМИЛЛ

Мы были богинями

ПАЛ Ь МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6
К18

Камилл С.

К18 Мы были богинями : [избранные стихи] / София Камилл ; [сост. Н. Воинова, А. Скидан ; предисл. С. Снытко ; послесл. А. Филатова]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 119 с. — (Серия «Пальмира — поэзия»).

ISBN 978-5-517-08711-9

София Камилл (2003–2021) — поэтесса, переводчица. Родилась в Санкт-Петербурге, жила в Австрии, Украине, Казахстане и Швеции. Училась в Школе нового кино и Смольном колледже (СПбГУ). Участница множества поэтических фестивалей, публиковалась в журналах «Контекст», «Ponton», «Двоеточие». Номинантка Премии Аркадия Драгомощенко (2019), удостоена специального упоминания жюри этой же премии «За смелость многоязычия» (2021).

В сборник «Мы были богинями» вошли избранные стихотворения поэтессы. С предисловием Станислава Снытко и послесловием Андрея Филатова.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Камилл С. Н., наследники, 2023
© Воинова Н. С., Скидан А. В., составление, 2023
© Снытко С. А., предисловие, 2023
© Филатов А. С., послесловие, 2023
© Даша Фурсей, иллюстрация на обложке, 2023
© Оформление.

ISBN 978-5-517-08711-9

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

Проверка на летучесть (О стихах Софии Камилл)¹

Большая часть стихотворений Софии Камилл написана на русском и шведском языках, в отдельных текстах встречаются вставки на немецком, английском, казахском и украинском. Иногда стихотворение представляет собой автоперевод с шведского, но чаще тексты пишутся на русском (или на нескольких языках) напрямую.

Многоязычие Софии Камилл — особый случай. Его генезис не связан ни с иммиграцией из СССР (пример, скажем, Евгения Осташевского, вживляющего в свои англоязычные стихи фрагменты на русском и немецком), ни с отступлением советской империи — и «промежуточным» многоязычием выходцев с постсоветского пространства (один из самых заметных поэтов с подобным бэкграундом — Александр Авербух, пишущий на русском и украинском). Судя по формальной биографии Софии Камилл, её семья никуда не иммигрировала в собственном смысле слова, а двуязычие в данном случае — продукт номадического образа жизни, пронизывающего как постсоветское пространство, так и объединённую Европу (причём направление миграций не подчиняется привычному вектору с Востока на Запад). Поэтому в текстах Софии Камилл почти не найти следов драматического отталкивания-притяжения к Большой Исторической Родине или запутанных отношений с родиной новой.

Во многом это развязывает руки поэтессе, освобождая от «роковых» вопросов «невозможной» идентичности, амбивалентных отношений со своим-чужим социумом, непроработанных исторических травм — словом, того комплекса проблем и тем, которые присущи многим дву- или полиязычным поэтам, связанным с пространством бывшего Советского Союза. Скандинавские тролли у Камилл соседствуют с брутальными типами, ловившими рыбу в мутной воде рус-

¹ Впервые текст опубликован в августе 2021 года на сайте Премии Аркадия Драгомощенко в качестве сопроводительного письма к номинируемой подборке стихов Софии Камилл (<https://atd-premia.ru/2021/08/22/sofiya-kamill-rossiya-sankt-peterburg/?fbclid=IwAR3eX0tjBikbmOyyPzCWsxCo34ZtyvxpobDuledXFB6F5NUic6auf-BVnDA>).

ских 90-х, но их соседство мирное — одних легко принять за других.

Отсюда и подход поэтессы к языку. Она не столько вслушивается в язык(и) или стремится к их невозможному синтезу, проверяя один язык на прочность с помощью другого («tot yazik nemoj / no on moj», — пишет Камилл), сколько скользит по различным его/их плоскостям в расчёте на спонтанные открытия и мгновенные вспышки поэтической выразительности. Очень многое здесь определяется непосредственным звучанием текста, его восприятием на слух: положение, казалось бы, классическое, но сегодня требующее особой звуковой настройки и достаточной выдержки для того, чтобы не удариться в штампы и отбирать комбинации «сыроватые», лишь предвкушающие эвфонию.

Разумеется, по этим текстам очевидно, что мы имеем дело с поэтикой в становлении, в активном поиске собственных звуко-сочетаний и смысловых ракурсов. Иногда встречаются эротические зарисовки, продиктованные желанием уместить чувственный опыт в «раковину слуха» (и напоминающие мне о текстах другого международно-петербургского автора, Никиты Миронова, преждевременно оставившего поэтическую сцену), иногда — бытовые зарисовки в абсурдистском стиле Роя Андерссона или городские эскизы с яркой сюрреалистической, но в то же время сдержанной образностью, знакомой читателям ленинградской неподцензурной поэзии со времён Геннадия Алексева. Но особое внимание хотелось бы обратить на значение вещи — это, быть может, самое «шведское» в текстах Софии Камилл, вдохновлённых прежде всего чтением шведской, а не русской поэзии.

«...они всегда знали о могуществе вещей», — пишет шведский поэт Леннарт Шёгрэн (в пер. С. Грач и А. Прокопьева). Героиню шведской поэтессы Иды Линде, составляющую своего рода поэтическое завещание, интересуют два вопроса: что после её смерти произойдёт с грязным бельём и куда денутся продукты из её холодильника. Вещи в новой шведской поэзии не столько обрамляют человека, сколько конституируют его, служа питательным субстратом для современной идентичности. Но дело не в бездушии человека и не в модном стремлении примерить точку зрения космической пыли, ведь вещи не повторяют нас (как стулья в доме Собакевича) и не сводятся к господствующим условиям производства. Они провоцируют, управляют нами, предают, соблазняют и приносят

себя в жертву. София Камилл не случайно посвятила один из ранних текстов, написанных на шведском, памяти Ингвара Кампрада — основателя знаменитого вещевого магазина-лабиринта. Дело не в обществе потребления, а в том, что критика его основ (сама по себе нелишняя) воспринимается в литературной среде как табу на прикосновение к вещи, негласный запрет присматриваться к миру и детализировать его материальную оснастку, и этот запрет Камилл мягко отклоняет. Вещи в её стихах сдвинуты на второй план, но всегда присутствуют: её героиня обитает не столько в разных местах, сколько на окраинах различных вещей. Она словно бы вступает в лукавый сговор с предметами, образующими жизненный мир европейского горожанина, и этот сговор не случайно настораживает нас: он прямо противоречит традиционной *безбытности* отечественной интеллигенции, впадающей в ступор при слове «кетчуп».

Можно было бы заметить, что уязвимое место подобного подхода — его принципиальная «беспроблемность» (не считать же переход территории нынешнего Петербурга от шведов к русским в XVIII веке глубокой исторической травмой, требующей поэтической проработки). По большому счёту наиболее общий вопрос, который ставит формирующаяся на наших глазах поэтика Софии Камилл, — считаем ли мы сегодняшнюю русскую (русскоязычную) поэзию европейской, в широком смысле этого слова, и если всё же считаем, то какое место в нашем коллективном сознании занимает презумпция собственной исключительности, со всеми её побочными результатами (такими, например, как хронический дефицит переводов современной европейской — да и не только — поэзии)?

Станислав Снытко

мы были богинями

смиряли мир и говорили «цыц» царям
и мир бесился от наших дырявых тел
и оттого что целью мерили добро и зло
а не весами

целуем, будьте с нами

мы были богинями

вспомните как нас учили мамы
гуляя по полям не наступать на мины
словами резать как ножом и обжигать движением
что-то милое есть в нашей силе
благодаря тому, что матери нас научили
не помнить зло

вы вспомнили
как мы детьми играли в чехарду слова-движения?

как подруги
вели друг друга по дороге
из мистических переживаний
и страстоцветов
в это спелое детское лето

мы были богинями

мы молились сами себе
и своим бесам
строили сомнительно устойчивые храмы
превращающиеся в хлам от первой раны
и всех любили потому что все равны
из-за того что разные

мы были богинями

и умоляли чуть-чуть уменьшить наши силы
подруги у других подруг просили разрешения
на то чтобы молчать и добровольно
опять и снова надевать мохнатые ошейники
репейником кусающие горло в местах где нет адамова яблока

вы вспомните как мы
в весёлом детском аду
свища и вереща
висели на спине
подмяв любимого бога-отца
мнили себя наездницами
а его — слоном

казалось, что мы обманули дурака
папам сынка скрутили пальцы
и закрутили мир вокруг себя как обручальное кольцо
и нам казалось
все обречено
венчанию с нами

<23.10.2021>

ЭПИЛЕКСИЯ

эпилексия – когда слова у рта лоснятся пеной
этот фонтан нужно заткнуть
это фантазия

как мне заткнуть этот фонтан?
фоном фантазии –
панно из волн
болезнь морская
пена изо рта
эпилексия – танец в ванне океана
под-плывшее фано
и звон озона
перед грозой

как мне заткнуть дыру в борту?
корабль ходит по щеке
вдоль
вдалеке
кормой мотает с грацией тюленя
ответив на «апорт» зверосмирителя
под куполом океанариума

как мне заткнуть этот фонтан?
<форсирую фантазию>
как бы ударить головой
русалку – шмяк – о борт
чтобы не трепетала рыбой
сделать из неё форшмак
жалко русалку?
как мне заткнуть этот фонтан?
вонь из аорты – где аорта у русалки?
у сердца? у хвоста?
надо нащупать сердце под соском
у этой щуплой шуки – омонима русалки
где мне провести ножом туда-сюда